

волику психоанализа. Можно говорить о большей или меньшей степени вероятности того или иного истолкования, но нельзя отвергнуть ни одно из них полностью. Роман Кафки как контурная карта: каждый в меру своих интересов, знаний, способностей, опыта должен заполнить предложенное автором схематическое изображение. Вдумчивый читатель обнаруживает в книге все новые и новые пласты. Недосказанность, уплотнение смысла сочетаются с прямо противоположным приемом — избытком высказываний, уплотнением материала. Неустроенный быт, канцеляристские нравы вырастают здесь до невиданных размеров, превращаются в подлинную фантазмагорию.

Реализация метафоры — излюбленный прием Кафки. Мы говорим — капиталистическое отчуждение лишает индивида человеческих черт. «Подпольный» человек Достоевского хочет увидеть себя насекомым. Герой Кафки превращается в таковое.

Создав в новелле «Превращение» подобную алогичную ситуацию, дальнейшее действие Кафка разворачивает в строгом соответствии с законами логики. Герой не удивляется самому факту превращения (он давно почувствовал себя козявкой), его беспокоит лишь то, что он опаздывает на работу. И все остальные выразительно описанные аксессуары отчужденного сознания полностью проясняют авторский шифр. Кафка дает ключ и к тому, чтобы истолковать произведение в психологическом плане как исповедь мазохиста. Фамилия героя Замза представляет собой аббревиатуру фамилии Захер-Мазох, давшей название перверсии¹¹.

Работая над творчеством Кафки и Брехта, изучая, как компануется остранный образ, автор настоящих строк пришел к выводу, что перечисленные четыре структурных принципа исчерпывают эти приемы. Для него было полной неожиданностью узнать, что структура бессознательно, предложенная Фрейдом, сводится к аналогичным четырем моментам. Обстоятельство заслуживает пристального внимания. Дело в том, что, согласно современным эвристическим теориям, неконтролируемому психическому процессу принадлежит центральное звено в научном открытии. Возникает заманчивая перспектива предположить, что современное интеллектуальное искусство какой-то своей существенной стороной приближается к неким первоосновам творчества вообще, а следовательно, и творчества научного¹².

Цель остранения (очуждения) — разбудить воображение. Это как раз то, в чем нуждается исследователь, бьющийся над решением теоретической (или конструкторской) задачи. «Надо на вещь, на соответствующую работу мысли, — говорил А. Н. Туполев, — взглянуть непривычным взглядом. Надо взглянуть чужими глазами, подойти к ним по-новому, вырвавшись из привычного круга.... Очень много решений, которые не давались, совершенно просто и естественно приходили после отпуска, в результате отчуждения от нормальной колеей»¹³. Обратите внимание: Туполев употребляет почти что брехтовские термины.

Психологи, изучающие творческий процесс, ищут средства, которые могли бы растормозить, стимулировать бессознательную психическую деятельность. Современное типологизирующее искусство с его свободной игрой ассоциаций, парадоксальными прыжками мысли как бы специально предназначено играть роль подобного стимулятора.

Художник интуитивно моделирует творческий процесс вообще. Но этого мало. Лицо современной литературы определяет повышенный интерес к жизни сознания. И здесь опять-таки мы обнаруживаем давнюю тра-

¹¹ См. *Kupa F. Franz Kafka. Literature as corrective punishment. London, 1974.*

¹² Читателя, интересующегося этой проблемой, отсылаю к своей статье «Эстетика научного открытия», опубликованной в журнале «Природа» (№ 7, 1975).

¹³ Цит. по кн.: *Короленко Ц. П., Фролова Г. В. Чудо воображения. Новосибирск, 1975, с. 64.*